

ИНСТИТУТ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Любой общественный институт следует рассматривать как со стороны своей природы, сути, так и со стороны своего возникновения, становления, развития и отмирания. Всё это в полной мере относится и к институту таможенного дела. При этом мы под институтом таможенного дела будем понимать как исторически возникшую практику использования государством своих возможностей использования этого образования как инструмента реализации экономической политики, в том числе, торговой, промышленной, социальной. Мы сознательно расширяем возможности этого института, преодолевая тем самым некоторое упрощённое, на наш взгляд, понимание его места в научной и иной около научной литературе. Уходят в прошлое вместе с системами теоретических воззрений взгляды на таможенное дело как на исключительно фискальный орган, реализующий в дополнение ещё протекционистскую функцию. Россия в современной системе мирохозяйственных связей вынуждена либо формировать новые свои органы государственного адекватного реактивного воздействия на внутреннюю и внешнюю среду, перестраивать имеющиеся в соответствии с новыми целями, задачами, возможностями. Поэтому теоретическая модель института таможенного дела будет всегда выстраиваться в позиции времени, т.е. *sub specie temporis*, но никогда с позиции вечности (*sub specie aeternitatis*).

Однако формирование государственного института должно одновременно соответствовать и принципу пользы этого института (*sub specie utilitaris*). Как нам представляется, следование этом исходным методологическим посылам позволит с одной стороны избежать ошибок как переоценки, так и недооценки специфических и вневременных и вневременных критериев. Для этого принцип пользы, полезности мы также должны рассмотреть под особым углом зрения реализации для общества в целом, для отдельных групп населения, не отбрасывая и классовый подход в оценке этого важнейшего института, т.е. с позиции (*Sub sua propria specie*).

Нами ранее уже высказывалась идея, что в современном обществе принципиально невозможна реализации общей государственной экономической политики вообще, и таможенной, в частности. Проблема будет заключаться в конфликте интересов различных групп и структур, что опосредованно через институты государственного управления будет оказывать влияние и на институт таможенного дела, например, на форму и содержание таможенного тарифа. Это даёт нам некоторые основания утверждать, что таможенный тариф – это не только конкретная ставка на ввоз/вывоз товара на таможенную территорию, не свод ставок таможенных пошлин, а как инструмент регулирования торговой и экономической политики, который одновременно есть выражение противоречивого сосуществования этих групп влияния, экономических структур в рамках единого государства, но и одновременно не менее противоречивом мировом сообществе.

Таможенный тариф можно в соответствии с данным подходом рассматривать по аналогии с монадой Лейбница, которая несёт в себе всю противоречивость бытия национальных образований как по отношению к самому себе, так и то отношению к окружающему её миру.

Таможенный тариф имеет отношения, которыми выражаются все прочие моменты экономической политики, отношения других институтов государства, например, права, института налога, социальной защиты, самой социально-экономической политики. Если и далее использовать терминологию Г. Лейбница, то таможенный тариф есть «постоянное живое зеркало субстанции» – в нашем случае социально-экономического бытия. Суть института таможенного дела сводится к его деятельности, которое одновременно немислимо без цели. И эта цель задаётся не внешним к таможенной системе институтом, а другим органом, выступающим по отношению к таможене как некоторая целостность, т.е. институт государства. Поэтому, полагаю, что теоретически несостоятельно делать и далее попытки найти место института таможенного дела вне этого целого. В противном случае даже теоретически появились бы основания поиска функций института таможенного дела вне организма-государства. Институт таможенного дела есть институт организма – государства. А у организма не может быть частей, у него только органы – институты, ибо, словами Г. Гегеля, части есть только у трупa.

Формирование современной модели института таможенного дела в России должно осуществляться из учёта нарастающей глобализации всех форм социально-экономического бытия. Необходимо однозначно определить общий и специфический для России тренд экономического развития и связанные с этим глобальные риски. Следует полагать, что общий тренд мирохозяйственных связей все в большей мере совпадает с вектором либерализации. Это накладывает на регуляторы требования поиска и применения таких инструментов, которые, с одной стороны, не противоречили бы требованиям мирового экономического сообщества в дальнейшей открытости национальных экономик, а с другой – обеспечивали бы её экономическую, политическую, военную и иную безопасность, снижая тем самым риски глобализации. Встаёт вопрос о потенциале института таможенного дела – реализовать если не прямые, то косвенные факторы экономического роста и развития национальной экономики. При этом под экономическим ростом мы будем понимать не кратковременные взлёты объёмов производства и национального дохода, а долговременные изменения естественного характера, являющиеся результатом развития производительного потенциала страны на долгосрочную перспективу. Поэтому естественно возникает вопрос, изъятие чистого или части необходимого продукта у резидента – участника ВЭД – и его аккумуляция в бюджет есть простое перемещение богатства от хозяйствующего субъекта в пользу целого – государства, отчего общее достояние не меняется, как это следует из закона сочетания в теории множеств? Либо изъятие сумм таможенных платежей приводит к сокращению совокупного богатства в национальных экономиках, ибо последнее всегда составляет совокупность богатства домашних хозяйств и государства. Богатство бизнес-сообщества в конечном счёте есть богатство домашних хозяйств. Постулат со времён древности – чтобы государство существовало, оно должно получать доходы, которые имеют как налоговую, так и неналоговую природу. Но если государство не только декларирует свою цель, сводя её к росту благосостояния его граждан, то насколько эффективна вообще модель изъятия у граждан дохода в форме таможенных платежей, и есть ли иные модели перераспределения дохода в обществе.

Таможенные платежи в теории рассматривают как разновидность косвенных налогов. Следовательно, экономическая природа таможенных пошлин есть налог, как специфическая форма изъятия дохода у своих граждан. Это справедливо и в том случае, если налогоплательщиком становится нерезидент. Однако уплачивая эти обязательные платежи, конечным

плательщиком всё равно через ценовой механизм становится резидент. Тогда вопрос приобретает оскорбительную ясность, дискуссии о пользе или вреде таможенного тарифа, и его мере не становится надуманным, по крайней мере для таможенного дела как области теоретического знания в России.

Таможенный тариф для бизнеса всегда есть дополнительная нагрузка. Формировать бюджет можно на различных этапах процесса производства, изымая финансовые ресурсы у бизнеса. Например, если ввести налог на куплю-продажу ресурсов, то бизнес вообще ещё ничего не произведя и не реализовав, лишит себя финансовых ресурсов. Например, таможенная пошлина на импорт магистральных самолетов, производственного оборудования вытягивает ресурсы, которые всегда необходимы бизнесу. Налоги на добавленную стоимость также вытягивают из бизнеса доходы, на том этапе производства, когда готовая продукция ещё не произведена. Продажа товара по цене, которая включает налог на добавленную стоимость, понижает конкурентоспособность товаропроизводителя на национальном рынке. Только налог на чистый доход может быть теоретически объяснён с позиций меньшего вреда для товаропроизводителя. Налоги на предметы демонстративного потребления, как и таможенные пошлины на ввозимые предметы роскоши или демонстративного потребления (Т. Веблен), также могут найти свое объяснение и понимание с позиций методологического подхода – *sub sua propria specie* и *sub specie utilitaris*.

Утилитарность подхода к выбору существующих в настоящее время модели налоговых платежей и таможенных платежей на основании того, что эти налоги более собираемые, ибо от них тяжелее уклониться, не выдерживает никакой критики. Следует помнить, что несобранные налоги в бюджет всё же продолжают оставаться национальным достоянием страны, даже несмотря на то, что они начинают пребывать и обслуживать теневую экономику страны. Продолжает оставаться важной теоретической проблемой, исходя из принципа *sub specie utilitaris*, оценка социально-экономической эффективности рубля, который остаётся у бизнеса в качестве финансового ресурса с учётом мультипликативного эффекта, и рубля мобилизованного в бюджет, который профинансирует общественные блага для бизнеса, когда правительство страны в очередной раз будет создавать некоторые преференции этому же бизнесу.

Полагаю, что остаётся теоретической проблемой, которая ждёт своего разрешения – это оценка эффективности таможенного контроля в концепции сопутствующих ему рисков неуплаты или уклонения от уплаты и теории предельной производительности. Применительно к работникам таможен, это эффективность степени охвата контролем, начиная от 100 % досмотра до уровня, удовлетворяющей систему на основе селективного подхода. Из этого вытекает необходимость формировать иную модель будущего института таможенного органа, когда последний будет рассматривать участника ВЭД как лицо, который приносит доход в страну, даже если уплата налога от части полученного дохода будет осуществляться в иной от таможенного тарифа форме, например, налога с прибыли участника ВЭД. Участник ВЭД – тогда есть лицо, творящее общественное благо – финансовый ресурс государства, на основании чего следует переломить отношение к участнику ВЭД как потенциальному нарушителю таможенного контроля.

Оценивая эффективность и полезность института таможенного дела в современной глобализирующейся системе мирохозяйственных связей, следует исходить из того, что этот

институт никогда не создавал и не мог претендовать на атрибут целостности. Его эффективность есть эффективность действия, которое следует рассматривать в единстве с родственным институтом государства – налоговой службой. В этой связи следует пересмотреть и оценить эффективность моделей изъятия дохода между институтом таможенного дела и налоговыми службами, тем более что вступление в ВТО налагает определённые обязательства на формы таможенного контроля. В России уже на протяжении многих лет так и не удалось создать некоторые территориально-производственные анклавов, которые были бы менее скованы таможенными процедурами – свободные экономические зоны, например. В тех странах, которым удалось создать нечто подобное, получили громадный экономический эффект. Если государство уже не может больше дать бизнесу финансовых ресурсов, то оно может дать, по крайней мере, свободу. И это может иметь огромный эффект, перечёркивая тем самым дискуссии о пользе протекционизма и господстве фискальной функции таможенного тарифа.

Современный таможенный тариф в РФ скорее несёт больше негативного, чем позитивного, что было ещё терпимо вчера для России, становится уже некоторым анахронизмом. В качестве доказательства может служить не только печальная для страны таможенная статистика, но и макроэкономические показатели и иные не так часто цитируемые показатели социально-экономического развития. Место страны, а, следовательно, и эффективность её социально-экономической политики, составной частью которой является и таможенная политика, более адекватно определит Индекс развития человеческого потенциала (средняя продолжительность предстоящей при рождении жизни, уровень грамотности взрослого населения, уровень жизни, который оценивается через ВВП на душу населения) и Индекс качества жизни, включающий такие показатели как уровень здравоохранения и образования, занятость населения, покупательная способность и т.д.

Тот спад экономического роста, который Россия не могла избежать, скорее определяется пагубностью вектора развития российской социально-экономической системы, ложной парадигмой развития, в векторе которого Россия некритически следует за Западом. Её суть в том, что этот вектор развития ориентирован на реализацию воли к власти денег, принося в жертву модель Ницше, как волю к мощи, под которой последний понимал как волю к жизни. Не решив эти более общие и принципиальные проблемы теории развития, попытки найти выход исключительно в сфере поиска более совершенного инструментария, механизмов, процедур специфических для института таможенного дела, могут в лучшем случае дать частичный результат. Следует преодолеть «устричное» видение проблем института таможенного дела, находясь в рамках самого института, следует выйти за его рамки и решать проблему в комплексе.